

3

«Всё. Пересечение.

(Какое-то странное слово).

Мы бродили в парке... мы сидели в кафе? Или встречались в каком-то другом месте? Уверенность исчезла. Остался только преследующий образ. Там, где я чертил круги своих шагов, на пустых улицах. Нет. Не совсем пустых. Не только круги. И тем не менее, всё то же. Люди вокруг чужие. Я чужой. Только одна знакомая вещь – это преследующий образ... я держу тебя за руку, ты держишь меня, вокруг деревья и давно пожелтевшие травы. Поздняя осень. Потом всё смешивается. Все звуки и запахи сливаются в единое месиво.

Я сижу, скрючившись, обхватив руками колени, то ли от режущей боли в животе, то ли от воспоминаний».

Так начиналось одно из многих не отосланных писем тебе. Писем, полных описаний реальных событий, перемешанных с чистейшей воды небылицами, иллюзиями, снами.

откровенностью. Ведь, в любом случае, неплохие линии тела. Не за что? Ну да, точно, не за что. К хорошим линиям я непричастен. Они и до меня были».

Пытался тебе позвонить, выдумывал цифры. Напоролся на короткие гудки. Если честно, слабо надеялся на что-либо другое, после стольких-то лет. Накопившаяся усталость и бессонница искали выхода. Перед глазами вставало твоё лицо. Было время, я терял уверенность в твоём существовании. Когда реальность видимого распадается на обрывки интерпретаций, когда попытки связать воедино несколько нитей давно разорванных судеб сталкиваются с неизбежностью фактов, тогда остаётся либо пеленать своё время в утратившую смысл повседневность, с бесконечной чередой повторяющихся дней, либо пытаться на полосатых линиях остающихся букв восстановить в памяти связи ассоциаций, приходящих из самого дорогого периода в жизни...

Долгое время вместо писем всё писал и писал то, что осталось незаконченным повествованием. С этой «полу-бред-овой» повестью хотелось донести до тебя мой мир, несколько раз раскололшийся на куски. (Напрашивалось выражение «кровоточащие куски», но показалось неуместным использовать такие кричащие элиты; слова всё равно остаются бессильными передать.)

Как передать словами учащённое сердцебиение и слабую дрожь в руках, постепенно успокаивающуюся после того, как количество насчитанных гудков перевалило за второй десяток. Набрал ещё